

«Российские тренеры обожают говорить о недостатках»

Популярный телекомментатор и режиссёр спортивных трансляций Эрнест Серебренников рассказал «НВ» о том, какими бывают футбольные наставники и каково было общаться с легендами отечественного спорта

В отличие от многих коллег по цеху спортивной журналистики Эрнест Наумович Серебренников никогда не занимался спортом профессионально. Но это не помешало ему стать выдающимся комментатором и режиссёром спортивных телетрансляций, чей талант и компетентность высоко ценят великие тренеры и спортсмены, со многими из которых его связывала и связывает многолетняя дружба. В интервью «НВ» мэтр отечественного телевидения вспоминает о том, как главный тренер «Зенита» спас утопающего во время интервью, чем отечественные тренеры отличаются от иностранных и как Лучано Спаллетти сам себя перехитрил.

– Эрнест Наумович, самое известное интервью, сделанное вами, – это беседа с Павлом Садыриным, когда он буквально в прямом эфире спас тонувшего в пруду мальчишку...

– Да, это было в 1995 году, Паша был главным тренером «Зенита». Там, где сейчас на зенитовской базе в Удельном парке стоянка для машин, тогда была баскетбольная площадка. Тренировка заканчивалась игрой в баскетбол. Я говорю: «Паша, давай запишем интервью». Он переоделся, и мы начали работать. Прямо передо мной пруд, Садырин стоит к нему спиной. Он начал что-то рассказывать – и вдруг его жена Таня, стоявшая за мной, стала ему что-то громко говорить. Раздались крики с той стороны пруда. Оказалось, кто-то тонет. Павел сбросил с себя одежду, бросился в воду. А я камеру выключать не стал – есть такая привычка – и продолжал снимать. Но сам потихоньку сбрасываю ботинки, вдруг помощь понадобится. Паша нырял дважды – безрезультатно, с третьего раза ему удалось вытащить этого мальчишку – он уже не дышал. Сразу сбежались футболисты, врачи. Подбежал и я. Камеру, правда, выключил. Мальчишку стали делать искусственное дыхание, привели его в чувство. Когда всё закончилось, Садырин вытерся и говорит мне: «На чём мы там остановились?» И продолжил давать интервью. Я был так потрясён произошедшим, что сказал: «Паша, не знаю, как тебя награждать за это, но позволь пока мне наградить тебя». У меня в машине лежала какая-то книга, я её вынул, написал на титульном листе: «За спасение утопающих» – и вручил Садырину.

– В тот же вечер этот сюжет пошёл в эфир?

– Да, это была передача «Спорт. Спорт. Спорт», которая выходила в эфир ежедневно в 20. 45. Мне позвонил днём ведущий программы Геннадий Орлов, спросил: «Что там Садырин, что-то интересное сказал?» Я говорю, что сказать-то сказал, но вот такой случай произошёл прямо во время записи... Может, Геннадий не понял из моего объяснения, что произошло, может, подумал, что я шушу, но отнёсся к моему сообщению спокойно. Но уже после передачи позвонил в диком восторге и кричал, как это здорово. После этого плёнку у меня сто раз брали, показывали везде, где только можно. Знакомый американец предложил отправить её на международный конкурс, но я отказался. Конечно, всех восхитило, что Садырин ни на минуту не задумывался над тем, как ему поступить. Раз я могу помочь – помогу. Такой характер был у этого человека. Его любили за простоту, прямоту и честное отношение к окружающим...

С Садыриным легко было общаться. Я, например, шутил над его манерой игры: когда он получал мяч и долго потом крутил головой, раздумывая, кому отдать. Три раза покрутил головой, прежде чем сделать пас, – и часто после этого отдавал чужому или вообще терял мяч. Паша никогда не обижался, только отвечал: «Ну, говорить-то легко...»

– Такая лёгкость и непринуждённость в общении, насколько можно понять, – большая редкость для большого футбола...

– Футбольный мир довольно сложный. Один тренер не очень Садырина любил, и при нём Садырина из «Зенита» убрали, он закончил играть, стал работать детским тренером. И я предложил Паше: давай снимем твоё первое занятие с мальчишками. Я снял тренировку, мы показали её, и тут на меня пришёл донос в обком партии: человека выгнали из команды, а я его пропагандирую. Из Смольного письмо переслали на Чапыгина. Мне позвонил секретарь горкома, курировавший телевидение, я стал оправдываться: Садырин столько лет был капитаном «Зенита», столько сделал для команды, ну не любит его тренер, ну так что ж теперь, мало ли кто кого не любит... Секретарь ответил: «Мы обязаны были отреагировать и поэтому переслали письмо вашему начальству. Но то, что вы показали Садырина, работающего с детьми, – это абсолютно правильно. Такие люди нашему городу нужны. А с авторами письма мы разберёмся, ничего не бойтесь». Это говорило об отношении к Садырину, а не ко мне.

– С Садыриным вам, как журналисту, было проще, чем с другим знаменитым наставником «Зенита» – Юрием Морозовым?

– Для меня не было проблемой беседовать ни с Садыриным, ни с Морозовым. Хотя, конечно, это были совершенно разные люди. Юрия Андреевича отличал абсолютно аналитический ум. Морозов одним из первых почувствовал, что в футболе всё решает скорость: скорость мышления, скорость принятия решений, скорость исполнения... Даже в самые трудные времена, когда он был уже тяжело болен и к нему мало кто мог прийти домой, он смотрел футбол чрезвычайно увлечённо. В эти дни я заходил к нему, приносил чёрную икру, у меня были в Каспийске друзья, которые могли её достать довольно дешево и в большом количестве. Морозов всегда говорил: «Эрик, я тебе деньги отдаю обязательно». Я отвечал: «Юра, давай договоримся: когда я заболел – ты мне чёрную икру принесёшь».

Морозов дружил с Лобановским, и это была верная дружба, но он часто спорил с Валерием Васильевичем: они были соратники, но их понимание

Эрнест Серебренников уверен: если уважаешь зрителя – нужно давать ему что-то новое, неожиданное, свежее

ДОСЬЕ «НВ»

Эрнест Наумович Серебренников родился 19 мая 1936 года в Ленинграде в семье моряка. Заинтересовался в детстве спортом, слушая осенью 1945 года репортажи радиокорментатора Вадима Синявского из Англии о матчах московского «Динамо». Окончил Кораблестроительный институт, работал инженером. В 1960 году выиграл конкурс на замещение должности спортивного комментатора на Ленинградском радио. Позднее перешёл на Ленинградское телевидение, был первым в СССР штатным режиссёром спортивных трансляций, продолжал выступать в качестве комментатора и ведущего передач. На протяжении многих лет работал на матчах «Зенита», хоккейной СКА, баскетбольного «Спартака», волейбольного «Автомобилиста», также освещал соревнования летней Олимпиады 1980 года, Игр доброй воли 1994 года, чемпионата мира по хоккею 2000 года. Ему принадлежат многие новации в режиссёрской подаче крупнейших международных состязаний, в первую очередь таких, как московская Олимпиада. После ухода с Пятого канала сотрудничал с телекомпаниями «НТВ-плюс» и ЛОТ. В 2011 году награждён медалью Николая Озерова – высшей наградой Министерства спорта, туризма и молодёжной политики России за пропаганду физической культуры и спорта.

игры могло различаться. Я был уверен, что в киевское «Динамо» в 1983 году Морозова отправили по просьбе Лобановского. Юра говорил мне, что ничего подобного: первый секретарь компартии Украины Щербинский позвонил тогдашнему руководителю Ленинградского обкома Романову с просьбой отпустить Морозова в «Динамо», а Лобановский к этой комбинации был совершенно не причастен.

У меня в памяти остался последний день рождения Морозова в 2004 году. Гостей было человек двенадцать – только близкие друзья. Кто был, не стану рассказывать, скажу только, что присутствовал Кирилл Лавров, с которым Юра очень дружил. От футболистов пришёл только Миша Бирюков, но, вручив подарок, сразу ушёл. Юрий Андреевич про каждого из гостей говорил и выпивал за каждого из нас. Это были очень лестные слова. Это умение и стремление сказать доброе слово роднило их с Садыриным. Хотя, конечно, Юра был гораздо сильнее как футбольный аналитик. Садырин добился более значительных успехов как клубный тренер, потому что был ближе к игрокам. Они его называли Паша, а Морозова – только по имени-отчеству. У Садырина были любимчики, например защитник Геннадий Тимофеев, который знал, что Павел Фёдорович ему многое простит. Или Валерий Брошин, которому, как мы помним, тоже пришлось очень многое. Но отношение Садырина к таким футболистам было искренним и открытым, он не делал из этого особенной тайны, и поэтому на такой «фаворитизм» никто не обижался.

– Но, несмотря на разницу в результатах, и «Зенит» Морозова, и «Зенит» Садырина любили в городе одинаково горячо.

– Когда команда завоевала бронзовые медали, Юрий Андреевич одел её в представительские костюмы и привёл в БДТ. И перед спектаклем весь театр аплодировал игрокам. Юрий Андреевич понимал, что «Зенит» – это такой же символ Ленинграда, как и Большой драматический театр, и он должен соответствовать великому городу...

Я хотел сделать двойное интервью с Кириллом Лавровым и Юрием Морозовым, чтобы они параллельно отвечали на сходные вопросы: находка в футболе – находка в театре; новая драматургия – тактическая новинка в футболе; предательство в театре – предательство в спорте. Главным условием было говорить всю правду: если отвечающий не хочет, чтобы зритель что-то сейчас услышал, – мы не будем это давать в эфир, на много лет спрячем. Но чур – говорить всю правду. К сожалению, эта идея так и не была реализована. Когда мог Юра

– Лавров был в отъезде. Когда был готов Кирилл Юрьевич – Морозов проводили тяжёлые медицинские процедуры... Помню, когда я только выступил с этой идеей, жена Морозова мне тихонько сказала: «Вы не успеете...» Увы, так и вышло.

– Если бы можно было дать одну-единственную рекомендацию начинающему интервьюеру – что бы вы сказали?

– Во время интервью ты должен быть готов получить ответ, абсолютно не соответствующий твоему представлению о собеседнике. Часто ждёшь одного – а говорят совершенно другое, и это надо ценить. Если уважаешь зрителя – нужно давать ему что-то новое, неожиданное, свежее... В конце восьмидесятых я брал интервью у нападающего Олега Саленко, который тогда был восходящей звездой. На международном юношеском турнире памяти Валентина Гранаткина, увидев, как он чувствует дистанцию, как закрывает мяч, его сразу выделил немецкий тренер Берти Фогт: «Вот мальчишка, который уже стоит сотни тысяч долларов». Олег был представителем нового поколения спортсменов – более раскованных, свободных, независимых в суждениях. Я спрашиваю его в интервью: что для тебя установка тренера? Олег подумал и сказал: «Да ничего. Я его не слушаю». А тренером «Зенита» тогда был Станислав Завидонов. Я ошпили: «Как? Это же сам Завидонов, он против Пеле играл». А он действительно в 1962 году во время турне олимпийской сборной СССР по Южной Америке участвовал в матче против «Сантоса», клуба Пеле, и, по рассказам очевидцев, бразильца «стел»... Олег на это выдал гениальную фразу: «Я этого не видел». И продолжил: «Я знаю только одно: если я вышел на поле, то должен забить».

Однажды мы приехали к маме Анатолия Карпова Нине Григорьевне после его победы в матче за шахматную корону над Виктором Корчным в Багио. «Знаете, как я Толю воспитывала в школе? – стала рассказывать нам мама Толи. – Если я находила у него ошибку, то просто рвала тетрадь». При этом у неё в руках был какой-то листок, и она его разорвала, продемонстрировав нам, как она это делала. Я понял, что Толя вырос в непростой атмосфере, и это знание мне потом в работе пригодилось...

– Чем отечественные тренеры отличаются, на ваш взгляд, от иностранных?

– Советские и российские тренеры обожают говорить о плохом. Видимо, это идёт из семьи: закрой дверь, погаси свет, вытри ноги... У нас

ФОТО «ИНТЕРПРЕСС»

С Садыриным легко было общаться. Я, например, шутил над его манерой игры: когда он получал мяч и долго потом крутил головой, раздумывая, кому отдать. Три раза покрутил головой, прежде чем сделать пас, – и часто после этого отдавал чужому или вообще терял мяч. Паша никогда не обижался, только отвечал: «Ну, говорить-то легко...»

считалось и считается, что воспитание осуществляется через ограничение и замечания. Так вот, в отличие от советских людей иностранцы страшно не любят говорить о недостатках. Помню, как я расспрашивал Дика Адвокаата, когда он только появился в Петербурге, что ему не нравится в «Зените». Адвокаат отделивался общими фразами: ему досталась очень хорошая команда и т. д. Ведь и вправду подбор игроков был очень хорош: Денисов, Аршавин... Я от него не отстал, и наконец он сдался: «Игрокам «Зенита» не хватает концентрации. Если эпизод закончился – они сразу отключаются». И так все иностранные тренеры: они не желают говорить публично о недостатках, но если всё же делают это, то говорят кратко, точно и осмысленно.

– Насколько Лучано Спаллетти был искренен в своих комплиментах и похвалах, расточаемых на пресс-конференциях боссом «Зенита»?

– Не могу точно сказать. На мой взгляд, такие люди всегда всё продумывают. Спаллетти прекрасно знает, что и где он должен сказать и сделать. Помните эпизод после матча на «Петровском» в 2010 году, когда Спаллетти в мороз разделся по пояс и побежал к трибунам? Мне кажется, этот ход был им просчитан, такая хорошо подготовленная импровизация. И, конечно, он прекрасно знал, что всё сказанное им передают Алексею Миллеру. Думаю, Спаллетти порой не хватало чутья, он был слишком хитёр, не по-русски хитёр, и это его порой подводило. Когда его спросили, был ли он на дне рождения Александра Кержакова, он шутиливо ответил в том духе, что, мол, как я мог такое важное событие пропустить, – и понимайте как хотите. А футболисты и публика восприняли этот ответ буквально: дескать, как же был, если его там никто не видел? И обвинили его в двуличии. Я не думаю, что Спаллетти говорил заведомую неправду, прекрасно зная, что его могут на этом поймать, видимо, это трудности перевода.

– У вас бывало с ним подобное взаимонепонимание из-за языкового барьера?

– Как-то я сказал ему в интервью после не слишком удачного матча: Алексей Борисович Миллер всегда поддерживает вас в трудных ситуациях, принимая, что хлест тренера нелёгок... Понятно же, что я ему подыгрывал, кинув комфортную для него реплику, но он насторожился: откуда у вас сведения, что Миллер меня поддерживает? Или его спрашивают про судейство, а он говорит, что никакого отношения к руководителю российского судейского корпуса Розетти не имеет. Но про Розетти в вопросе и слова не было! Получается, что он перехитрил сам себя.

– Среди наших тренеров вам встречались такие хитрецы?

– Анатолий Фёдорович Бышовец был величайший игрок – уровня Григория Федотова, Всеволода Боброва, Бориса Пайчадзе – и выдающийся тренер. С ним всегда интересно беседовать, он очень интересно говорит. И видно, что телевидение ему очень нужно. Помню, как он сказал мне: «Эрик, нас хотят посорить». Я ответил: «Если ты хочешь посориться, давай это сделаем, не дожидаясь, когда это сделают другие».

Один наш выдающийся футболист, когда я его спросил о его отношении к Бышовцу, сказал мне: «Если он сюда приедет – я найму людей, и его прибить». Я был поражён: «Разве он ничего тебе как футболисту не дал?» – «Наоборот, он меня научил очень многому: как закрывать мяч, как входить в штрафную – масса полезного». И тем не менее, признавая безусловный профессионализм Бышовца, будучи ему благодарен как тренеру, игрок его просто ненавидел.

Отношение к Анатолию Фёдоровичу было такое, что, когда выпустили юбилейное издание о киевском «Динамо», фамилии Бышовца там не встречалась ни разу – по требованию Лобановского.

Знаменитый тренер московского «Динамо» Михаил Якушин был невероятный хитрец. Его так и звали – Хитрый Михайл. Не могу не сказать и о лукавом обаянии великого хоккейного наставника Анатолия Владимировича Тарасова. Помню, мы с Тарасовым договариваемся о телевизионном интервью, и он мне, немного стесняясь, говорит: «Эрнест, у меня такая просьба. Я тут написал книгу о хоккее. Её выпустило издательство «Молодая гвардия». И для издательства было бы хорошо, чтобы мы о книге в беседе упомянули». Я говорю: «Конечно».

И вот идёт запись интервью, и как к случаю замечают: «Анатолий Владимирович, недавно опубликована ваша книга, которая, безусловно, войдёт в историю мирового хоккея...» И Тарасов темпераментно прерывает меня недовольным тоном: «Эрик, да зачем об этом говорить, какой я писатель!» И это было так произнесено, что самый циничный зритель, сидя у телевизора, поверил в невероятную скромность нашего великого тренера.

Беседовал Сергей Князев